

Белинский в современном американском литературоведении.

Один из основоположников, наряду с Гоголем, русской "натуральной школы", В. Г. Белинский, чья критическая мысль доминировала в русской литературе и эстетике на протяжении полутора столетия, был выдающимся мыслителем не только России. Он принадлежит всему человечеству. "Апостол русского национального духа",¹ Белинский особенно привлекал к себе внимание тех ученых Запада, которые интересовались "тайнами русской души", "загадками русского национального характера".² Среди них было немало историков из Соединенных Штатов Америки, поскольку истинная литература и критика не имеют географических границ, а принадлежат всему человечеству. Неугасимый поборник человеческого права, грандиозная личность, соединившая в себе твердую убежденность с кристальной честностью, пламенную страсть с холодной рассудочностью, Белинский стал известен Западной Европе, а потом и Америке в середине XIX в. благодаря А. И. Герцену ("О развитии революционных идей", 1851; "Былое и думы", 1857), восхитившемуся его "гладиаторской натурой".³ Затем, благодаря И. С. Турге-

¹ Выражение, принадлежащее исследователю Николаю Ильичу Николаеву. (Сб. "Эфемериды". Киев, 1912).

² Об изучении Белинского на Западе см.: Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977, с. 6, 7, 10, 12, 27, 31, 67, 69, 70, 74, 88, 89, 100, 102, 116, 121, 123, 125, 139, 151, 152, 171.

³ См.: Григорьев А. Л. 1) Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы в зарубежном литературоведении. — "Учен. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена". Т. 237. Л., 1963, с. 173—184; 2) Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977, с. 31; Примечание Ф. Я. Герцен — пропагандист и интерпретатор русской литера-

нову, высоко оценившему Белинского как человека в "Литературных и житейских воспоминаниях" (1868), наконец, благодаря Г.В. Плеханову, отмечавшему в статьях "Литературные взгляды В.Г. Белинского" и "Белинский и разумная действительность" (1897), что интеллектуальные пути развития России нашли достойное отражение в духовно-нравственной эволюции Белинского, когда в форме "исторического созерцания" созревала, осозновалась и утверждалась основная критическая идея русской литературы и русской демократии — идея античеловеческой, антинациональной сущности и потому обреченности самодержавно-крепостнического строя. Короткая, но яркая и славная жизнь Белинского — борца и мученика за Россию запомнилась каждому и в России, и в Европе и в Америке, кто с нею знакомился. Запомнилась она и американским историкам, в том числе Стюарту Рэмзею Томкинсу, автору книги "Русская мысль". Он пишет: "Родившийся в 1811 г., он возмужал в период реакции, которая последовала за восстанием Декабристов 1825 г. Несчастливая личная жизнь и неполное университетское образование были плохим началом его жизни. Но он как бы восстал из небытия, чтобы стать ведущим критиком... В это время идеи Белинского были негативными. Он занимал враждебную позицию по отношению к общественной мысли в жизни Фракции ХУШв., считая, что можно объяснить факты идеями, но нельзя выводить идеи из фактов и что в ХУШв. опыт вел лишь к скептицизму, материализму, враждебности, коррупции и полной слепоте по отношению к правде в широком смысле этого понятия"⁴. Далее, С.Р. Томкинс / ~~литературовед средней руки~~ / весьма схематично и упрощенно обрисовывает эволюцию мировоззрения Белинского, используя хорошо известные на Западе работы А.М. Туры на Западе. — В кн.: Прийма Ф.Я. Русская литература на Западе. Л., 1970, с.114 — 140.

4

Tompkins S.R. The Russian Mind. From Peter the Great through the Enlightenment. Norman, Oklahoma University Press, 1953, p. 182.

Скабичевского, М.К. Лемке, М.О. Гершензона, В.В. Зеньковского, а также В. Сечкерева и Д.И. Чижевского, а именно он утверждает, что в 30-е годы XIX столетия на Белинского оказала влияние органическая философия Фридриха Шеллинга, основные положения которой ему подробно пересказал Н.В. Станкевич: "мир - дыхание единой, вечной идеи", "жизнь - великий дар providения", "изначение человека, народа и человечества - выявить идею божества, человеческое достоинство", а задача искусства состоит в том, чтобы находить в разнообразных явлениях жизни выражение "единой вечной идеи".⁵ " В это же время, - продолжает С.Р. Томпкинс, - С.П. Шевырев отказывается от редактирования журнала "Московский наблюдатель" и контроль за журналом переходит в руки Белинского и его друзей (1838-1839); Михаил Бакунин, у которого Белинский жил в Москве, познакомил его с философией Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и под влиянием последнего Белинский стал "настоящим западником", приняв взгляд, что великий поэт должен быть объективным, тогда как описываемая им реальность уподобляется божеству и потому является высшим критерием всего разумного";⁶ "что разумно, то действительно, и что действительно, то

⁵ Там же, р.176 и след. Ср.: Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего отечества. - "Отечественные записки". СПб., 1871. Т.194; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Гершензон М.О. Эпоха Николая I. - "Русская быль". М., 1910, Т. VII; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры и русских мыслителей. Париж, 1926; Setschkareff V. Schellings Einfluss in der russischen Literatur des XIX Jahrhunderts. Leipzig, 1939; Чижевский Д.И. I) Гегель в России. Париж, 1939, то же на нем. яз.: Hegel in Russland. - In: Tschizewskij D. Hegel bei den Slaven. 2 Auflage. Darmstadt, 1961, S.145 - 387.

⁶ Tompkins S.R. The Russian Mind

вслед за Гегелем
 разумно" потерял Белинский, примирясь тем самым с российской действительностью, а в 1843г. уже называл себя левым гегельянцем, журнал же "Отечественные записки", где Белинский сотрудничал в 1839-1846гг. становится якобы "рупером западников", по Темкинсу; в петербургский период ничего не изменилось и, будучи сотрудником "Современника" в 1846-1848гг. Белинский якобы остался гегельянцем, по Темкинсу.⁷ Так с у С.Р.Темкинса по досадной небрежности оказался пропущенным целый последний важнейший этап эволюции Белинского как мыслителя. 1841 - 1848гг. были годами мучительных раздумий и сомнений Белинского, когда он, наконец, отказывается от философии "Егора Федоровича" (т.е. Гегеля - Ю.Б.) и глубоко познает цену индивидуального и самосознательного в искусстве (письмо к В.П.Боткину, 1841); знакомство с французским утопическим социализмом Сен-Симона привело к тому, что социализм стал для него "идеей идей".⁸ Наконец, в конце жизни Белинский усвоил антропологический материализм Людвиг Фейербаха, что сопрягалось у него разрывом с метафизикой и религией и переходом на позицию революционного демократизма. Все это помогает нам понять истинного Белинского, которого С.Р. Темкинс не сумел или не захотел донести до американского читателя своей книги в 1953г. Подобные очерки однако не типичны. В Америке знают и умеют ценить глубокие и искренние проявления человеческого гения и дерзает истинной.

⁷ Там же.

⁸ Weber H.B. Belinskij and Aesthetics of Utopian Socialism. - "The Slavonic and East European Journal". London, 1921, vol. 15, p. 293-304; Комарович В.Л. Идеи французский социалистических утопий в мировоззрении Белинского. - В кн.: Венок Белинскому. Изд. Н.К.Писанова. М., 1924, с. 243-272; Нечеев В.С. Белинский и утопический социализм. - В кн.: Нечеев В.С. Белинский. Жизнь и творчество. В четырех томах. Т. 4. 1842-1848. М., 1967, с. 35-67.

Более распространенными были очерки типа очерка Николая Онуфриевича Лесского, автора "Истории русской философии", где без умолчания и "усечения фактов" Белинский рассматривается в ряду учеников немецких философов - просветителей, переоценивших силу разума и безгранично веривших в просвещение.⁹ При этом гегельянству Белинского придавалось расширительное толкование.¹⁰ В зарубежных работах о Белинском, как правило, недооценивалось, что "реалистическому и демократическому переосмыслению подверглась на русской почве прежде всего оперная категория немецкого объективного идеализма - категория трансцендентного "мирового духа" или "мировой идеи". В интерпретации Белинского и Герцена, Гегеля и Гринецкого она утратила свое потустороннее значение, превратившись в просветительское, восходящее к Гердеру вполне земное понятие "духа человеческого", под которым разумелась активная, созидательная, самодейтельная и благая сила человеческого сознания, ее саморазвитие и самосуществование в процессе общественно-исторической практики всех людей и народов".¹¹

⁹ Lossky N.O. History of Russian Philosophy. New York, 1951.

¹⁰ Об этом см.: Велодин А.И. Гегель и русская социологическая мысль XIX века. М., 1973. Ср. также след. работы:

Billig J. Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus bei den russischen Romantikern (В.И. Белинский, В.Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени. Казань, 1961; Кушнов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М., 1965; Мани Ю. В. 1) Русская философская эстетика (1820-1830-е годы). М., 1969; 2) Русская философская эстетика и западные исследователи. - В кн.: Русская литература и ее зарубежные критики. М., 1974.

¹¹ История русской литературы в четырех томах. Т.2. От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981, с.348 (Е.Н. Купренова).

Общественно-политические идеи Белинского либо не воспринимались американским литературоведением, либо воспринимались крайне отрицательно. "Визант" в этом Д.П.Святополк-Мирский, чей курс лекций по истории русской литературы, прочитанный в 1920-е годы в Лондонском университете, считался самым авторитетным в Западной Европе и США, а его предвзятые оценки повлияли на американскую академическую науку, особенно, на Глеба Струве и Романа Якобсона. Д.П.Мирскому принадлежит несправедливое и враждебное мнение Белинского, которую мы сейчас критикуем, потому что оно было характерно для многих западноевропейских и зарубежных работ по русской литературе в период "холодной войны" против СССР. "Именно Белинский, более, чем кто-либо другой еще, отравил русскую литературу «суетной» выражения идей», которые, к несчастью, жили долго. Также именно он способствовал распространению общих мест — выражений романтической критики — "вдохновение", "искренность", "гений и талант", ему свойственны презрение к труду и технике и странная абберация — отождествление образной литературы с тем, что называется "мыслием в образах."¹² Резко отрицательное отношение к Белинскому — мыслитель однако не мешало Д.П.Мирскому высказаться похлнительно в его литературно-критических оценках: "Его (Белинского — Ю.Б.) оценки писателей, которые начали свою работу между 1830 и 1848 гг., могут быть приняты почти без поправок. Это высокая оценка для критике и она вполне заслуженная."¹³

¹² Mirsky D.P. A History of Russian Literature to 1831. London — New York, 1927.

¹³ Mirsky D.P. Contemporary Russian Literature. 1881 — 1925. New York, 1926.

Белинский — непревзойденный критик русской литературы всегда интересовал американцев. Некоторые из работ "неизвестного Виссарьона" увидели свет в США в переводе на английский язык.¹⁴ В американских курсах истории русской литературы и русской критики в Белинском сообщаются необходимые традиционные факты о его жизни и деятельности и создавался особый образ, "имидж" Белинского для американского читателя: России был нужен великий посредник между ней и Западом, и вот он явился в лице Белинского. Чтобы познакомить интеллигенцию России и читающую публику с достижениями немецкой идеалистической философии и европейской литературы. Среди подобных трудов мы назовем книги Рене Веллека, Дмитрия Чижевского, Роберта Стэси, Дже Эндрю, Джона Мерсера.¹⁵

14

См. напр., следующие сборники текстов:

Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov: Selected Criticism. Ed. and Introd. by Ralph E. Matlaw. New York, 1962; Literature and National Identity. Nineteenth Century Russian Critical Essays. Ed. and Transl. by Paul Debreczeny and Jesse Zeldin. University of Nebraska Press, 1970. Англоязычному читателю возможно стал доступен также сборник работ Белинского, изданный в Москве издательством "Иностранная литература": V. Belinsky. Works in English: Selected Philosophical Works. Moscow, 1956. Очерки в Белинском появились в США в составе переведенных на английский язык воспоминаний П.В. Анненкова и И.С. Тургенева: Annenkov P.V. The Extraordinary Decade. Ed. by A.P. Mendel. 1968; Turgenev's Literary Reminiscences. Transl. by David Magarschack. 1968.

¹⁵ Welles R. A History of Modern Criticism. 1750 - 1950. In Four Volumes. Vol. 3. New Haven - London, Yale University Press, 1965, p. 238 - 265; Cizevskij D. History of Nineteenth Century Russian Literature. Vol. 1. The Romantic Period. Vol. 2. The Realistic Period. Transl. by R.N. Porter. Ed. by Serge Zenkov.

Роберт Стэси, американский литературовед средней руки, пишет о Белинском как о самом значительном русском профессиональном критике, основателе революционно-демократического направления (это, конечно, признается!), называя его "западником и радикальным интеллектуалом, ^{вс} вся литературная теория которого сильно окрашена немецкой, особенно, органической мыслью, и даже его концепция реализма, которая представляется нечто большим, чем сама реальность, имеет немецкое происхождение. Защищая универсальные качества в литературе и отстраняя значительность содержания, превалирующего над формой, Белинский тем самым значительно поднимает уровень русской (и, в конечном итоге, советской) критики, освобождая ее от зависимости литературы от современных ей социальных условий".¹⁶ И далее: "Хотя Белинского и осуждали некоторые русские критики и критики на Западе за его предвзятость и многословный журналистский стиль, — продолжает американский литературовед, — многие его постоянно хвалят за остроту суждений и преданность искусству и литературе."¹⁷ Причину популярности Белинского в СССР Р.Стэ-

sky. Nashville, Vanderbilt University Press, 1974 (пер. с нем. изд. 1964г.); Stacy R.H. 1) Russian Literary Criticism, a Short History. Syracuse University Press, 1979; 2) Belinsky. — In: Handbook of Russian Literature. Ed. by Victor Terras. New Haven — London, 1985, p.43 — 44; 3) Literary Criticism. — Там же, p.257; Andrew J. Writers and Society during the Rise of Russian Realism. Atlantic Highlands, N.J., 1980; Mersezeau J., Jr. Russian Romantic Fiction. Ann Arbor, Michigan, 1983.

¹⁶

Stacy R.H. Literary Criticism, p.257.

¹⁷

Там же.

си видит в том, что "те же самые немецкие образцы и мысли" повлияли на сложение литературного вкуса у Карла Маркса, который, в свою очередь, "создал базис для всеобщей марксистской теории литературы".¹⁸ Продолжение литературно-критической мысли Белинского Р.Стэси усматривает у "шестидесятников" Чернышевского, Добролюбова и Писарева.¹⁹ Однако, сравнивая последних с Белинским, не удерживается от грубых и несправедливых обвинений революционных демократов в "узком видении", "грубом дидактизме" и даже "провинциализме", т.е. тех черт, которые были якобы заимствованы советской критикой у мыслителей XIX в. в годы сталинизма. ~~И эстетика~~ "Развитие гражданской критики в России с ее знаменитыми отклонениями уникально, — заявляет Р.Стэси, — и не имеет ничего похожего в Западной Европе."²⁰

В своей основной статье о Белинском, помещенной в американской энциклопедии русской литературы, американский литературвед добросовестно излагает факты биографии и творческого пути, давая великому критику положительную оценку в целом, однако не удерживается от выпадов, называя литературно-критические оценки Белинского "абсурдными с западной точки зрения".²¹ Далее, поясняя свою позицию, Р.Стэси пишет следующее: "Имя Белинского тесно ассоциируется и сопрягается с четырьмя важными аспектами русской интеллектуальной истории XIX века. Он был, во-первых, интеллигентом ... что значит, что он был образованным членом общества, но с радикальными политическими взглядами. Во-вторых, он был разночинцем — в этом случае, человеком иного, чем дворянского или бюргерского происхождения, который сделал свою карьеру не традиционным для своего класса способом. В-третьих, он был западником, считающим (в противоположность славянофилам), что Россия должна продолжать заимствовать и посвящаться в тайны

¹⁸ Там же. ¹⁹ Там же. ²⁰ Там же.

²¹

Stacy R. Belinsky, p.43.

интеллектуальных течений Западной Европы. И, в —четвертых, Белинский как мыслитель и критик был в значительной степени под влиянием немецкой идеалистической мысли, которая была, без преувеличения, исходной для русской интеллектуальной жизни в 1830—е годы.²² Выявление пресловутых "черт" и характеристика Белинского в духе известного западного стереотипа вряд ли помогает пониманию всего богатства и своеобразия, неповторимой "русскости" "неистового Виссериона", глубокого проникновения великого критика в существо интересов переболевшего самодержавием и помещиками народа. Все особенности теоретических концепций, анализ, суждений, взглядов Белинского американский литературовед склонен объяснить только одним: приверженностью Белинского к натурфилософии Шеллинга и органической критике немецкой идеалистической философии вообще, которая рассматривает произведение искусства как живой биологический организм, как органическое целое, регулируемое взаимоотношением содержания и формы в их "конкретной универсальности". Вот почему, по мнению Р.Стаси, романы Вальтера Скотта, весьма популярные в России, кажутся Белинскому идеальными в их сочетании универсального и частного. Странным у Белинского кажется американскому литературоведу известное сравнение Пушкина с Лермонтовым: Лермонтов уступал Пушкину в форме, но превосходил в содержании (имеется в виду "Герой нашего времени", 1840). "Герой нашего времени", — пишет Р.Стаси, — был раскритикован многими как искажение действительности и за отсутствие единства, но Белинский рецензировал это произведение с энтузиазмом и защищал его единство весьма определенными терминами. Необходимо было бы здесь указать, что возвышение таких писателей как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Гончаров и Некрасов в последующей русской литературе, в значительной степени, следовало после благоприятных рецензий и суждений Белинского среди потоков валерочивой критики, когда

²² Там же.

это было уместным".

Особое внимание американский литературовед уделяет определению Беллинским искусства как "мышления в образах", данное им по классическим образцам немецкой идеалистической эстетики. ("Идея искусства", 1841). Эта "формула", имеющая в виду "воображение" и "фантазию" как существеннейшие элементы творчества, кажется американскому литературоведу "ловкой, но не слишком полезной", имеющей, впрочем, долгую историю в России и действительно сегодня. Такую же судьбу якобы имели и понятие "типизация": "истинный художник литературы должен был в состоянии создавать типы или символические характеры, которые имеют как специфическую индивидуальность, так и всеобщее или универсальное значение" также, как шекспировский Гамлет или даже гегелевский перучик Пиретох в "Невском проспекте".²⁴ Не менее важным было и понятие "действительность", сформулированное Беллинским в статье о "Ревизоре" Гоголя и в статье о "Горе от ума" Грибоедова. "Человек пьет, ест и одевается — это мир призраков... но человек чувствует, думает и воспринимает себя как организм, как вместилище духа; определенная часть всеобщего и неопредделенного — это мир действительности".²⁵ Р. Стаси полагает, что это высказывание Беллинского "напоминает нам ранний немецкий "романтический реализм" (напр., Новалис) и предпологает нечто сходное с тем, что на самом деле значит "социалистический реализм". Также ясно из этого заявления, что Беллинский автоматически отрицает — что и было на деле — то, что мы называем натурализмом, или манерой Золя".²⁶ Нет необходимости объяснять, что рассуждения американского литературоведа страдают неточками. Если высказывания Беллинского, в своем деле, восходили к немецкой идеалистической романтике, то это вовсе не значит, что они имели какое-то

23 Там же. 24 Там же. 25 Там же. 26 Там же, р. 44.

отношение к социалистическому реализму и что последний как художественный метод литературы XX века сформировался под влиянием Белинского. Трудно также согласиться с тем, что Белинский учил нас отрицанию натурализма и других методов модернизма, которых во времена Белинского еще не было.

Далее Р. Стэси переходит к разбору высказываний Белинского о Пушкине и Гёте и находит у Белинского противоречие, которое состоит в противопоставлении "реальной литературы" ("Дон Кихот", "Евгений Онегин", "Мертвые души") литературе "идеальной" ("Фест" Гете). Американец находит у Белинского "чистый эстетизм" в оценке поэзии Пушкина, а также пристрастие в оценке Гёте, а именно: якобы недооценку украинских истоков творчества писателя и иностранных влияний, напр., Эрнста Теодора Амадея Гофмана на Гёте.²⁷ В конце-концов, Р. Стэси приходит к следующему выводу: "Белинский был многогранным критиком натурализма и романтического эскапизма, или "чистого", или "самодельного" (зутателического) искусства и прозы, иррациональной фантазии в литературе; он мог, однако, принимать отдельные романтические элементы с тем, чтобы они были сбалансированы, то - есть органически и художественно соединены с серьезным, относящимся к реальной жизни."²⁸ И далее: "Хотя Белинский и имел острое чувство стиля и понимал различие между языком и слогом, - продолжает Р. Стэси, - он никогда не обращал внимания даже на малейшее приближение к анализу языка и лингвистического стиля тех русских авторов, которых он касался; он не обращал никакого внимания на шлифовку или очищение собственного стиля как критик. Причина отрицания Белинским этих материй коренится снова в его доминирующем взгляде на содержание и на язык только как на средство коммуникации, но не на язык сам по

27

См., напр.: Passage Ch.E. The Russian Hoffmannists. The Hague, 1963.

28 Stacy R. Belinsky, p.44.

себе. Что же касается собственного стиля Белинского, то он свободно критиковался, особенно на Западе, как Тяжелый, мизгословный, с обилием пошлостей, как журналистский, как язык, имевший вредное влияние на соответствующий язык русской литературной критики".²⁹ Кажется, американский критик перестарелся: он активно старается поддеть Белинского под его не слишком симпатичный "имидж" грубого резонера и идеолога, безразличного к языку и стилю критики. Поиски "провалов" у Белинского в языке и стиле обречены на полную неудачу. Ведь Белинский всецело овладел родным слогом, стал подлинным корифеем тонкого, острого, искрометного литературно-критического стиля, который и по сей день считается образцовым. Следует отметить, что Белинским первым была разработана философско-эстетическая терминология русской ученой художественной речи, которой мы сегодня пользуемся. Стоит отметить злободневный, публицистический характер его стиля, связанный с тем, что Белинскому одному из первых в русской литературе приходилось разрабатывать и утверждать идею народной свободы. Видимо последний факт не устраивает американского литературоведа и он пишет, что ему не нравится "страстная, обличительная риторика в его знаменитом "Письме к Н.В. Гоголю" (15 июля 1847г.)," где критик обличил Гоголя за его измену по отношению к литературе, к собственному творчеству и к русскому народу: из-за чтения этого письма, подчеркивает Р. Стэнси, в 1849г. пострадали утопические социалисты - петрашевцы и Ф.М. Достоевский.³⁰ Однако жертвы ведь были невинными, они будили народ и звали его на борьбу за свободу. Как писал В.И. Ленин в 1914г., письмо Белинского к Гоголю "было одним из лучших произведений бесцензурной демократической

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору".⁸¹

Впрочем, неприятие "Писем Белинского к Гоголю" стало общим местом американского литературоведения. С их точки зрения, Белинскому не надо было так зло критиковать "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя, который страстно искал в ту пору путей религиозного объяснения человечества.⁸²

Р. Стеси не может пройти мимо того факта, что Белинский сильно влиял на современников и русскую критику на протяжении почти что 150 лет. Однако он при этом заявляет, что "эстетическая критика" (Боткин, Аменков, Дружинин) и символисты под влиянием Белинского обратили свое внимание в противоположную сторону по отношению к социальному значению литературы и предпочли дать развитие в литературе художественной форме и личному эстетическому чувству.⁸³ далее: "Но главная реакция (или контрреакция) против наследия Белинского была у формалистов в разное 20-е годы и у их немногочисленных последователей среди эмигрантов и внутри самой Советской России."⁸⁴

Таким образом, американский литературовед пытается искать значение трудов Белинского не в их прямом и позитивном действии, а в непрямом действии *ad absurdum*, т.е. в том, кто и как отталкивался от наследия Белинского, возвращаясь к утраченной им истине. Трудно представить себе большее непонимание Белинского, отрываемого искусственно от своих корней, от российской действительности. Американским литературоведом оказалась совершенно чуждой проблема изродности у Белинского, без которой совершенно невозможно понять общественное содержание его критики и секрет необыкновенной силы воздействия его на современников и последующие поколения.⁸⁵

81 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

82 Zeldin, Jesse. Nikolai Gogol's Quest for Beauty: an Exploration into His Work. Lawrence, Kansas University Press, 1978. Ср.: Gogol' N.V. Selected Passage from Correspondence with Friends. СМ. СМ. СР.

В этом творческом ключе написано большое исследование профессора университета Брауна в США Виктора Терраса "Белинский и русская литературная критика".³⁶ Книга эта выросла в процессе семинарских занятий с аспирантами в Висконсинском университете (г. Мэдисон, США) с 1966 по 1970г. Среди современных зарубежных исследований о Белинском книга В. Терраса производит наиболее солидное и благоприятное впечатление полным привлечением всех источников и историографии, глубиной и всеобщностью примененного им необычного метода "органической критики". В интерпретации Белинского В. Террас значительно отходит от западноевропей-

Transl. by J. Zeldin. Nashville, Vanderbilt University Press, 1969.

³³ Stacy R. Belinsky, p. 44.

³⁴ Там же.

³⁵ Прийм Ф. Я. Проблема народности в истолковании В. Г. Белинского. - Русская литература, 1986, № 2, с. 19 - 48.

³⁶ Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism. The Heritage of Organic Aesthetics. Madison, the University of Wisconsin, 1974. 305 p. Review: Stöckle K. - "Deutsche Literaturzeitung". Berlin, 1976, Jhrg. 97, N. 9, S. 791 - 793.

Виктор Террас (1921 - 1987) - автор книг "Молодой Достоевский. 1846 - 1849". (The Youth, 1969), "Русские индустристы" (Stockholm, 1970), "Маяковский" (1983).³⁷ Более

50 статей, редактор-составитель нескольких сборников текстов, о Белинском, Гете, Достоевском, Пастернаке, Пушкине, Толстом, ответственный редактор американских эстетических сборников и фундаментальной американской энциклопедии русской литературы.

(Handbook of Russian Literature. Ed. by V. Terras. New Haven - London, Yale University Press, 1985. XX, 558p.).

³⁷ Здесь имеются в виду книги Герберта Боумена, Бернарда Шульце, Ильяцио Амброджио, Тельола Проктора, Зигурда Фастинга;

Гарнир к
Биографии в
прочих
идеях,
эстетике
и этике
рамочка
Достоевско-
ского
(Madison
- London
1981)

Карамзинская компания: Кошман, Гур-анин, Шур-ин.

1846 - 1849". (The Hague, 1968), "Русские ивжинисты" (Stockholm, 1970), "Карамзинская коммения: коммисиирий к вопросу о происхождении, языке и силе рече Давидовского" (Madison - London, 1981) и др., автор более, чем 50 статей в Белинском, Гёте, Давидовском, Мейнском, Пастерном, Пушкине, Толстом, Тургеневе и др., ответственный редактор американских славистических сборников и фундаментальной американской энциклопедии русской литературы. (Handbook of Russian Literature. Ed. by V. Terras. New Haven - London, 1985. XX, 558p.)

37 Здесь имеются в виду книги Герберта Баумана, Бернарда Шульца, Ивжине Амбретти, Телвелле Проктере, Зигурда Фастинга.

ских истоков великий наследия Белинского в духе "Geistesgeschichte" (Д. Чижовский), или в религиозном плане "теургии" (В. Земьковский, Б. Шульце), однако прищипывает к господствующему в США мнению о Белинском как посреднике между Россией и Западной Европой (Р. Веллек и др.). Однако В. Террес не ограничивается простой констатацией общего мнения и расхожими идеями в духе статьи. Напротив, "западная основа" мировоззрения Белинского утверждается с новой силой благодаря научной тщательности и скрупулезности, с какой В. Террес извлекает и выстраивает в систему все возможные европейские, в том числе даже и античные, источники мировоззрения Белинского. О таких книгах говорят: капитальное исследование. Утверждение В. Терресом "западной основы" мировоззрения Белинского не выглядит нерачитым, так как оно сбалансировано с проблемой циничного самооборвения и национальных корней наследия Белинского, которая, в свою очередь, раскрывается в свойственной Западу манере — "по Бердяеву".³⁸ Белинские и поддерживаются на острие пера. Ключ к пониманию русской литературной критики XIX и XX вв., по

Welman H. B. Vissarion Belinski. 1811-1848. A Study in the Origins of Social Criticism in Russia. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1954; Schultze B. V. G. Belinskij - Wegbereiter des revolutionären Atheismus in Russland. München-Köln, 1958; Ambrogio I. Belinskij e la teoria del realismo. Roma, 1963; Proctor T. Dostoevskij and the Belinskij School of Literary Criticism. The Hague, 1969; Fasting S. V. G. Belinskij. Die Entwicklung seiner Literaturtheorie. Bergen, 1970.

38 Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971. Н. А. Бердяев (ук. соч., с. 60) выделяет три этапа в эволюции мировоззрения Белинского: (1) моральный идеализм и героизм; (2) гегельянское приятие разумной действительности; (3) восстание против реальности по пути ре-

имению В. Терраса, во многом зависит от полноты и объективной оценки творчества великого русского критика, который, по Террасу, был одержим генеральной для органической критики проблемой противостояния "чистого искусства" "социальной миссии искусства". Можно соглашаться или не соглашаться с такой постановкой вопроса исследования (ведь Белинский восходил к российской действительности, в первую очередь, а не к органической критике!), но бесспорно одно: американский исследователь имеет право и на локальную постановку проблемы творческой эволюции Белинского, если он имеет в виду глубокое и конкретное исследование самих текстов произведений Белинского. Этот подход можно было бы назвать идеальным для избятого ученого, если бы не курс на сознательную изоляцию от общественных, революционных идей русского освободительного движения. "Белинский и органическая критика" — вот главная тема, которая достаточно полно раскрывается на страницах книги.

Монография строится из семи следующих частей: 1. "Введение" (с. 3—31); 2. "Особая восприимчивость Белинского как критика" (с. 32—42); 3. "Источники эстетических идей Белинского" (с. 43—76); 4. "Искусство и объективная реальность" (с. 77—126); 5. "Произведение искусства" (с. 127—178); 6. "Художник" (с. 179—205); 7. "Наследие Белинского" (с. 206—265). 16

"Введение" состоит из трех разделов, а именно: "Органические черты социалистического реализма", "Описание органической эстетики", "Предвестники Белинского".

В. Террас начинает с того, что критикует метод социалистического реализма и советскую критику за старомодность и утопичность, которые якобы состоят в том, что искусство рассматривается как суперструктура (надстройка) социально-экономической жизни, а идеально перемены во имя Человека. Н. А. Бердяев же говорит, что это движение к социализму. По его мнению, это только обновление и возрождение человеческого духа, близкое к религиозному.

произведение искусства — как единый организм, порожденной этой жизнью. И вслед за Гегелем, В. Террас Горелитя провозгласит "немиинуемую смерть" утилитарному искусству и эстетики, полагая что нечело им было положено В.Г.Белинским, "чье мышление доминирует в русской советской литературной теории и критике почти 150 лет" (с.6). Белинского он относит к сторонникам "органической эстетики", заимствовавшему свое учение из немецкой идеалистической философии XVIII — XIX вв. Канта, Гердера, Шиллера, Фихте, Шеллинга и Гегеля. "Он взял от упомянутых немецких мыслителей, — пишет В.Террас, — глубокую и запутанную систему эстетических мнений и захотел ослабить ее не только своей критической критикой русской литературы, но также и превратить эту литературу в прогрессивное политическое движение среди русской интеллигенции, основателем которой он также был. В центре эстетики Белинского лежит так называемая "органическая концепция произведения искусства", концепция, которую он последовательно и сознательно проводил как практическую критику русской литературы и которую он тщательно защищал против наскоков старой "критики деятелей", была ли она в одежде сентименталистской критики прекрасного, или в одежде неоклассической, в частности, дикции, истинности интриги или в презынности гримаски. С этой позиции Белинский следовал примеру германских романистических критиков в особенности братьев Шлегелей." (с. 9).

39

Об "органицизме" как философско-эстетической системе см.:

Walzel O. Grenzen von Poesie und Unpoesie. Frankfurt a.M., 1937;
 Abrams M.H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the
 Critical Tradition. New York, 1953, p.156 - 225; Orsini G.N.G.
 The Organic Concepts in Aesthetics. - Comparative Literature,
 1969, vol.21, p.1 - 30; Phillips D.C. Organicism in the Late Nine
 teenth and Early Twentieth Centuries. - Journal of the History
 of Ideas, 1970, vol.31, p.413 - 432.

Свою методологическую позицию В.Террас излагает четко: он сторонник позитивизма в духе Ричарда фон Мизеса, который отрицает в принципе оценочный момент и ищет в произведении искусства функцию целого или части целого.⁴⁰ Террас цитирует Мизеса следующим образом: "В областях жизни, которые недостаточно изучены наукой, поэзия выражает посредством лингвистических форм то, что было создано для специальной цели, опыт, который присутствует в сознании поэта в форме звуков, чувств или вдохновения с целью передать эти состояния сознания читателю."⁴¹ Как сторонник позитивизма, В.Террас отрицает ошибочный с его точки зрения взгляд на искусство как на суперструктуру (надстройку) социально-экономической жизни, который он приписывает советским критикам (А.Бешевили, Ю.Б.Борев, В.В.Васлов, М.С.Каган, В.В.Кожин, Г.Н.Поспелов, Б.М.Рунин, Л.И.Тимофеев, Я.Е.Эльберт и др.) и заявляет, что Белинско-Гегелевский "организмизм" противостоит структурализму и несовместим с ним. Тем самым, Террас намекает на то, что революционно-демократическая критика, и в частности, Белинский, подготовила почву для возникновения советской критики. Что ж, такое родство нами не отрицается. Однако, последняя, принадлежавшая времени сталинизма и застоя, воспринимается Террасом только со знаком минус как "утилитарная" и ошибочная. В этой связи любопытно было бы проследить генезис "организмизма", по Террасу. Последний полагает, что органическую концепцию произведения искусства лучше всего понять из эмпирического понятия, согласно которому удачное произведение имеет свои особенности, находящие параллели в живом биологическом организме (см. Платон, "Федра" или Аристотель, "Поэтика"). А это означает, что, в сущности, все части произведения искусства составляют целое, так что отрывание одной час-

40

Miseses R., von. Positivism: A Study in Human Understanding. New York, 1968.

41

Там же, р.100.

Ти означает старение всего целого. Многие теоретики эстетики
 стояли на этой точке зрения, призывая органическую аналогию
 не более, чем метафорой или полезной рабочей гипотезой. Аристо-
 тел и Кант были среди них. Они рассматривали произведение ис-
 кусстве как структуру, снабженную организованным интеллектон
 или соответствующую образцам, найденным в природе (Аристотель),
 или генерированным человеческим разумом, согласно структурным
 принципам (Кант). Тогда единство произведения искусства стано-
 вится ни чем иным, как проекцией органической схемы (или ари-
 стотелевского логоса), который существует независимо от про-
 изведения искусства. Более смелая версия призывает только те
 произведения искусства за подлинно "органические", или живые,
 единство которых может быть подобно живому организму, обладаю-
 щему душой, в отличие от тех произведений, которые имеют меха-
 ническую или автоматическую организацию. В таком духе писал А.
 В. Шлегель в своем "Художественном учении".⁴² Немецкая романтиче-
 ская эстетика высоко оценила жизненную ценность "органицизма",
 в котором "художественная интуиция", или "внезапное знание",
 основывается на поэтическом "магическом видении" (причем,
 "сила видения" равняется "творческой способности"), или на
 "воспоминании божественной идеи". В передаче органической кон-
 цепции от одного мыслителя к другому В. Террес усматривает еди-
 ную линию, а именно: Платон — Плотин — Шеллинг — Гегель — Белин-
 ский. Своеобразие Белинского как "органициста" состоит, по мне-
 нию американского литературоведа, во-первых, в убеждении в том,
 что, пока поэт вдохновлен рациональными, гуманистическими и про-
 грессивными идеями, его творчество полезно для общества, и, во-
 вторых, в утверждении того, что свой "органицизм" Белинский
 соединяет с проблемой национального в искусстве ("националь-
 ного духа", по Гегелю, или "национального идеала", равного

42

Schlegel A.W. Kritische Schriften und Briefe. Hrsgb. von
 E.Lohner. Stuttgart, 1963. Bd.2.

"народности", или *Volksgeist*), в последняя, по Вильгельму фон Гумбольдту, связана с "внутренней языковой формой". Отсюда протекают поиски Белинским необходимой философско-эстетической и терминологии и литературно-критического стиля: все это верно подмечено В.Терресом, однако осталось незамеченным и вызвало неоправданный протест у Р.Стаси, страдающего явной односторонностью.⁴³ Немецкие романтики, Шelling, Гегель и Белинский были убеждены в том, что великое искусство, в том числе и поэзия, могут существовать только в национальной форме и что поэзия-гений есть квинтэссенция проявления "национального духа". Белинский не был первым в борьбе за национальное в русской литературе. Он только подхватил, развил и углубил прежние высказывания. Требование русской национальной поэзии было выдвинуто еще А.С.Шишковым в начале 1800-х годов, но ранние романтики, например, Орест Сомов, отодвинули его на задний план; О.М.Сомов учил, что "национальная поэзия, имеющая не подрежательный, а независимый от иноземной традиции характер" должна быть создана в России.⁴⁴ Белинский, заимствовавший у П.А.Вяземского (1817) понятия "народность", "национальный дух", развил их и придал им общественно-политический и философско-эстетический смысл. В.Террес называет эти понятия "национально-мистическими" и отмечает приверженность им у последователей Белинского "справа", у А.Григорьева и Достоевского, у которых "русская национальная идея" причудливо сочетается с христианской православной религией, что представляется Терресу "идеалистической и иррациональной концепцией по природе".

⁴³ См. с. 00 настоящей работы.

⁴⁴ Сомов О.М. О романтической поэзии. — Труды Вольного общества любителей русской словесности. Т.24. М., 1823, с. 147.

Такой поворот в развитии "русской национальной идеи" истолковывается Террасом как отход от "европейского пути", от живых связей с европейской литературой. Однако, не правые, а именно левые, — утверждает В.Террас, — завели русскую литературу в мешок узкого профессионализма и нейтральной стигмации. Заявляя русскими проблемами, по большей части социальными, исключая всякие другие, провозглашалось Добролюбовым и его последователями, вело к упадку русской литературы в последней трети XIX столетия. Этот упадок был остановлен временно прозападно ориентированным символистским движением, которое во многом продолжало эстетические традиции правых последователей Белинского, особенно Григорьева, но оно также возвращалось к первоначальным источникам (Платон, неоплатонизм и немецкий идеализм). Убежденные в исторической миссии русского народа, символисты, также, как и Григорьев, и Достоевский, всегда видели ее в контексте западной цивилизации. В своей творческой практике символисты обновляли связи между русской литературой и Западом, которые были сильны в золотой век русской поэзии и оставались действенными в романах Тургенева и Достоевского. Совершенно очевидно, что упадок русской литературы во время Советского периода был следствием изоляции России от Запада. Русская литература осталась сильной и творческой даже в Советский период, благодаря тем авторам, которые были способны и желали остаться в рамках главного направления мировой литературы. Поэзия Менделеева, Пастернака и Ахматовой доказывает это" (с. 18 — 19). Таким образом, В.Террас изложил здесь широко известное на Западе мнение не содержание, характер и движущие силы нашего литературного развития во второй половине XIX — начале XX вв., которое репрезентативно для русистов Запада, но несправедливо, так как игнорирует достижения русских писателей той поры: Льва Толстого, А.К.Толстого, Островского, Глеба Успенского, Салтыкова-Ще-

дри, короленко и Чехов, не укладывающихся в прокрустово ложе изложенной ^ксхемы и свидетельствующих о том, что реализм "натуральной школы", провозглашенный Белинским и Гоголем, дал свои могучие всходы и зрелые плоды, показав величие "национальной идеи", способной существовать в России без Запада и ^{даже} вопреки ему.

Важнейшей частью "организма" как эстетической системы В. Террес считает "исторический органицизм", т.е. понятие о том, что искусство и литература интегрально связаны с историческим процессом. Но если, согласно эстетике Гегеля, он ведет, во-первых, к исторической иерархии форм (жанров) искусства, и, во-вторых, к реализации квинтэссенции "национального духа" у Гегеля в гениях литературы Данте, Шекспире и Гёте, у Белинского — в Пушкине, Лермонтове и Гоголе, то у "неистового Виссариона" исторический процесс, который он понимал как историю народа, становится основой общественного выражения "национальной идеи" и гражданственности. Последнее не написано у Терреса, но могло бы быть написано, если последовательно продолжить его рассуждения. Тем более, что В. Террес вынужден признать, что Белинский преодолел антиномичность "полярной двойки" Гегеля — субъекта (содержание поэзии) и объекта (абсолютная художественная форма поэзии) — тем, что утверждал величие искусства Пушкина: оно вечно молодое как по содержанию, так и по форме.⁴⁵

Обращая внимание на Н.В.Станкевича и его кружок и заслугу последнего в соединении русской литературы с немецкой идеалистической романтической эстетикой,⁴⁶ В. Террес признает, и это справедливо, что Белинский имел в России предшественников своей

45 См. высказывания Белинского о 7-й главе "Евгения Онегина": Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в десяти томах. М., 1958. Т.5, с. 546.

46 При этом В. Террес цитирует другую американскую работу — кни-

"органической эстетики" в лице П.А.Вяземского, О.М.Сомова, В.К. Кюхельбекера, А.А.Бестужева-Мерлинского, В.Ф.Одоевского и московских "любоумудров". В.Террес признает, что "попытка Белинского втащить литературу в орбиту политической жизни и гражданское действие было полной противоположностью декабристам", например, В.К.Кюхельбекеру, который утверждал, что "поэт это только временное судно божественной силы, которое всегда обновляет и восстанавливает человечество"⁴⁷. В числе своих предшественников оем Белинский называет Н.А.Полевого, который ценил романы В.Гюго и считал историю органическим, монистическим процессом. Однако, в полной мере и на высшем уровне "исторический органицизм" нашел конкретное воплощение только у Белинского в его статьях о Пушкине и о Гоголе.

Американский литературовед подробно разбирает эстетические взгляды Пушкина и Гоголя и сопоставляет их со взглядами Белинского, находя и сходство, и различие. Особенно много сходений у Белинского о Гоголем. "Гоголь вместе с Белинским, — пишет В.Террес, — разделял веру в "национальный дух", который находит свое прямое выражение во внутренних формах языке и в концепции искусства как органа национальной жизни... обе предпочитают демократизацию искусства любым путем". (с.30).

Среди отмеченных В.Терресом различий интересное одно, касающееся концепции юмора. Если Гоголь разделял обычную концепцию юмора, популярную среди немецких романтиков, особенно, у Ж.Пауля и Е.Т.А.Гоффмана: комическое — это эпическое восприятие несовершенства действительности через обрис героя-несмешника, то Белинский никогда не был в состоянии ее принять: для него высшая форма юмора Эдварда Брауна:

Brown E.J. Stankevich and His Moscow Circle.

1830-1840. Stanford, California University Press, 1966.

⁴⁷ Кюхельбекер В.К. "О направлениях нашей поэзии, лирической поэзии в особенности, во время последнего десятилетия" (1824). Цит. по кн.: Мардавченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX ве-

на комического это та, которая приводит идеал к его отрицанию. Спор Белинского с К.С. Аксаковым как раз касался этого взгляда. Если Аксаков видел в "Мертвых душах" эпическое восприятие несовершенной нашей действительности, то Белинский усматривал в поэме смелое обличение негативных сторон русской действительности без какого то ни было примирения с ней. Белинский был абсолютно прав как мыслитель преодолевший "органическую критику". Но этого ^(исследователь) американский Белинского не усматривает.

Во второй главе - "Особая восприимчивость Белинского как критика" - В. Террас подробно раскрывает, в чем состоят теоретические основы критики Белинского, ее идейное развитие и семантика, основываясь не на подлинных статьях. Белинский верил, что критик должен подойти к произведению искусства, вооруженный природным эстетическим чувством, хорошим вкусом, эрудицией и определенными общими идеями. Ведь критику необходимо было добиться счастливого сочетания интуиции с глубиной теоретического анализа, "философского" и "органического", с искренностью тона и страстностью речи. В. Террас не рассматривает духовную эволюцию Белинского в схематике различных периодизаций. Для него важны единство, целостность и универсальность оценок художественной литературы, принадлежащих Белинскому. "Выборочное использование наследия Белинского бесчестно", - заявляет В. Террас, и мы солидарны с ним. Американского литературоведа волнует проблема воссоздания "истинного" Белинского, и он приходит к выводу: Белинский был творческим мыслителем, ищущим возможность прийти к своей собственной динамичной философии искусства, например, к положению о творческом резюме, который, чем больше и глубже, тем более подвержен ошибкам.

Семантике словаря критических статей Белинского кажется В.Террасу неустойчивой. Она отражает его творческие поиски, а также соответствует развитию критической мысли в каждом данном произведении. Так например, великий критик различает три смысла слова "романтизм": (1) в узком смысле — как литературное движение конце XVIII — начале XIX столетий, как реакцию на французский классицизм и нормативность его поэтики, (2) в более широком смысле, как христианское духовное искусство, противостоящее чувственному искусству языческой Греции, или (3) как католическое средневековое мистическое искусство противостоящее реалистическому искусству протестантов и искусству века Белинского. В конце-концов, по мнению американского исследователя, мы видим налицо у Белинского семантическое смешение различных значений термина "романтизм". Есть у него и универсальное в антропологическом смысле толкование термина "романтизм", за которым кроется тот аспект искусства, который отражает внутренний мир человека, а также мир недостижимых "небесных идеалов". Интересную эволюцию можно наблюдать в позиции Белинского по отношению к романтизму. Ранний Белинский — сам романтик, поздний Белинский обуреваем мрачными мыслями и смотрит на практическую деятельность людей как на вызывающую, но не безнадежную реальность, когда с романтическими мечтаниями покончено, но не навсегда.

"Реальность" — ключевое слово ко всей эстетике Белинского. 48
Его поиски "реальной действительности" это, по существу, попытка основать иерархию ценностей. Термины "действительный" и "призрачный" имеют для него, как и для Гегеля, сильную экспологическую связь. У раннего Белинского реальность это метафизическая, высшая реальность платонического неоплатонизма. Но когда Белин-

Белинский обращается к Гегелю, то его концепция действительности расширяется. Он рассматривает "увеличенную действительность" как нечто иное, нежели "воображаемой" или "призрачной действительности". Так художественный мир, созданный Гомером, Шекспиром и Пушкиным, — это "воображаемая действительность", которая также несомненно, как мир природы или мир истории. Несмотря на Гегеля, что искусство должно восходить не к абстрактной идее, а к полнокровной жизни и что эстетические идеи должны быть конкретными, отражает движение Белинского к реалистической концепции искусства. В. Террес обращает внимание на то, что у Белинского требование реализма "историзируется", т.е. объявляется необходимой чертой нового века, критик которого должен чувствовать себя его глашатаем.⁴⁹ Это реализм в высоком смысле этого понятия. Вместе с тем, американский литературовед справедливо подмечает, что термины "действительный" и "реальный" могут быть у Белинского многозначными и означать все: от онтологической концепции до концепции о иерархических ценностях мира; здесь "реальное" во многом понимается как "субстанциальное", противоположное "призрачному".

Диалектику семантического кода Белинского, объясняющую богатством и неоднозначностью творческого мышления великого критика, В. Террес называет почему-то "уловкой" и приходит к выводу, что "эстетике Белинского не статическая, а динамическая система, не свободная от нелегичностей, эквивалов и противоречий". А защиту Белинского от подобных обвинений американский ученый называет "генерализацией" и считает ее неправомерной, что, на наш взгляд, противоречит его же собственным представлениям о целостности Белинского критика и теоретика эстетики.

В третьей главе книги речь идет об источниках эстетических идей Белинского. Автор не повторяет положения известных работ

49 Ср.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 432—433.

И.А.Гуляева⁵⁰ и А.Лаврецкого⁵¹, предпочитая цитировать подлинные работы Белинского, а также привлекает к исследованию европейскую и американскую историографию трудов о философях и мыслителях XVIII - XIX вв., повлиявших на Белинского. В результате, он убедительно устанавливает буквально все случаи восхождения "известного Виссероне" к Канту, Гердеру, Шиллеру, Шеллингу, Гегелю, "ленным гегельянцем" и социалистам-утопистам. В.Террас подчеркивает, что больше всего у Белинского сходстве наблюдается с Шеллингом и приводит примеры. Отмечает он и "ключевые черты" в эстетике Белинского. "У Белинского [в статье о "Герое нашего времени", 1840 - Ю.Б.] мы находим термин - "внутреннее ясновидение истины, - пишет В.Террас. - Причина такой понятливости лежит в тождестве познающего с познаваемым. Здесь "внутреннее ясновидение истины" это платоновское *ἐὐδον εἰδός*. Трактовка произведения литературы как микрокосмоса, символизирующего макрокосмос общества, нации или человечества, основывается на неплатоновском понятии, которое было популярным даже в поэтике Ренессанса.⁵² Шеллинг и Гегель делали на этом ударение. Это "ключевая черта" в критике Белинского. Она доминировала в русской литературной критике всегда и некрепко утвердилась в социалистическом реализме, хотя и под названием "теории отражения". (с. 55).

Другой важный принцип, также навеянный Шеллингом, а последним заимствованный у Платона и ренессансной эстетики, это понятие, что художник творит свободно, имитируя природу, и потому его произведение само по себе является "природой". У Белинского это проявилось в признании активной социальной и исторической

⁵⁰ Гуляев И.А. В.Г.Белинский и зарубежная эстетика его времени. Казань, 1961.

⁵¹ Лаврецкий А. Эстетика Белинского. М., 1959.

⁵² Непр., у Терквато Тессо. Ср.:

Lovejoy A.O. The Great Chain of Being. Cambridge, Mass., 1966, p. 85-86.

роли искусства. Другое важное положение касается определения Белинским искусства как "непосредственного воплощения правды" или "мышления в образах" ("Идея искусства", 1841), что актуально и для современной эстетики. "Русский термин "образ", - пишет В. Террас, - имеет в словаре значения (1) "образ", "форма", "явление"; (2) "воображение"; (3) "люди", "шажера"; (4) "икона", "святое изображение". Отсюда следует, что русский термин имеет связь с тем, что формируется или обрывается; отсюда неизбежная связь с тем, что называется "символом" или "символическим образом". Гегель использует немецкий эквивалент - "Bild", что в узком смысле соответствует английскому "image" или "picture", т.е. "картина". Однако, термин Белинского "образ" имеет сходство с тем, в чем писал Фридрих Теодор Вимер, который посвятил целую главу своей "Эстетики" концепции "Bild", выражающей то, что подразумевается как под "Gebilde" ("shape" ⁵³ "form") так и под термином "символ", противоположному "аллегории". В дальнейшем, А.В. Шлегель и Ф.В. Шеллинг часто пользовались понятием "Sinnbild", ← синонимичным с "символом". Термин "образ" в специфическом соединении с прилагательным "художественный" - ключевой термин всей русской эстетики, играющий такую же большую роль и в социалистическом реализме. Он не имеет эквивалента английской эстетической и критической мысли ... это известное определение... стыкуется с принципом идентичности также, как и с концепцией искусства, развиваемой Шеллингом и Гегелем: искусство - это реальная репрезентация Абсолюта". ⁵⁴ (с. 56).

Далее, В. Террас подробно рассматривает эволюцию эстетики Белинского в движении от Шеллинга к Гегелю и останавливается на

⁵³ Vischer F.T. Ästhetik, oder Wissenschaft des Schönen. Bd.1 -4. Berlin, 1846-1857, Bd.1, 1846, S.93-116.

⁵⁴ Schelling F.W. Philosophie der Kunst. Bd.3. Berlin, 1927, S.407, 478.

ясном и буквальном изложении органической концепции микрокосмоса произведения искусства как символа макрокосмического мира (см. статьи Белинского о "Гамлете", 1838). Концепции конкретной универсальности произведения искусства, подобной универсальности живого биологического организма, великий критик проводит в своих статьях о "Евгении Онегине", "Герое нашего времени", "Ревизоре". Белинский не только признает статус-кве исторического и политического развития страны, — уверяет В. Террас, — но и призывает русскую литературу сыграть роль лояльного органа ("Годовщина Бородине", 1839), "Очерки о битве под Бородино" (1839) полны лояльных, патристических и монархических намеков. Они также старогегельянские в своем выражении подчинении "субъективного принципа" (индивидуума) "объективному принципу" (государству). (с. 90). Американский литературовед считает, что самая значительная работа этого периода (1837—1840 гг.) — статья "Лейбниц, критик Гёте" (1840). В ней он защищает социально и идеологически нейтральное объективное искусство и гётевские элизиийские позиции, отрицает "социальный заказ" в художественной литературе, — понятие, с которым позднее стало ассоциироваться имя Белинского.

Далее, В. Террас подробно сопоставляет эстетические взгляды Гегеля и Белинского и находит не только сходство, но и различие. Этот раздел книги наиболее исследовательский и нестрикт заявленными, вроде подобных: "Гегелевская эстетика — это очищенная версия эстетики Александра Баумгартена"; "Белинский не принимает абстрактный рационализм Гегеля", но "усваивает его диалектику"; "Белинский основан на объективном идеализме, ведущим к объективному материализму".

Четвертая глава книги посвящена "Искусству и объективной реальности". Здесь американский автор продолжает рассматривать эволюцию эстетики Белинского, опираясь на его наследие. Здесь утверждается, что взгляд Белинского на мир всегда якобы оставал-

ся всегда органическим: одна вселенная, одна жизнь, одно человечество, один исторический процесс и т.д., и что Белинский никогда не сомневался в том, что искусство должно отображать реальность жизни и что оно органически связано с моральной, интеллектуальной, социальной и национальной жизнью, и что искусство это особый вид познания, основанный на аналогии с действительностью, и поэтому поэзия реализуется либо в созерцании, либо в условном символе, либо в живом образе.

Наметив три периода в развитии эстетики Белинского — (1) дегегелевский, или "моральный идеализм", (2) гегелевский и (3) радикальный, — американский исследователь не спешит характеризовать их и "распределить" эстетические идеи Белинского по периодам. Для него важен "цельный Белинский". Он подробно останавливается на взглядах великого критика, основываясь на его подлинных произведениях. Среди разделов этой главы, которые имеют следующие названия: "Искусство и индивидуальность", "Искусство и национальность", "Искусство и общество", "Искусство и история", "Литература и историческая реальность", мы остановимся на одном из них, посвященном проблеме национального в искусстве. "Мистика национальности" это, по В. Торресу, фокусирующий элемент философской эстетики Белинского.⁵⁵ Нация — это живое существо, духовный организм, равновеликий индивидууму, чьи многочисленные функции служат единой цели: служению человечеству.⁵⁶ В основе многих рассуждений великого критика лежат гердеровские идеи о том, что в

55

См. об этом же в кн.:

Billig J. Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus bei den russischen Romantikern, S. 19 — 21.

56

См. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т.3, с.325. Ср.: Там же, т.2, с. 552 — 553; т.3, с.266; т.5, с. 193, 643; т.7, с. 45, 448; т.10, с.29—32.

национальной жизни выражается частный аспект гуманности и что язык — органическое создание народа и наиболее глубокое и прямое выражение народного духа. По Белинскому, национальная индивидуальность составляет предпосылку появления гениальное художественного произведения. Белинский искренне верил, что все истинно гениальное — национальное. Великий поэт — "сын своего века", "гражданин своего общества". Здесь Белинский явно переключается с Радищевым, с "Беседой о том, что есть сын Отечества". По Белинскому, народное в литературе это отражение характера нации со всеми ее типическими чертами и нюансами, со всеми "родимыми пятнами". Должен ли поэт считаться с тем фактом, что он немец, француз или русский? Белинский вопрошает "Евгений Онегин" Пушкина, чтобы вырезать свою точку зрения: никто не может отрицать, что все типическое, гуманное и универсальное характеры являются также уникально русскими характерами. А изменился ли их значение, если Евгения и Владимира назвать Адольфом и Эрнестом, а Ольгу и Татьяну превратить в Генриетту и Амелию? Белинский считает, что "да, изменился" и что поэт изображает своих героев в тесной связи с русским обществом, частью которого они являются; "национальные характеры" — только часть единой "гуманитарной цепи": человечество — раса — нация — семья — индивидуальность. "Народность" и "национальность", по Белинскому, суть низшая и высшая — статичная и динамичная — фазы общего развития "национального духа". Здесь Белинский следует за Гегелем и воспринимает учение последнего об "исторических" и "антиисторических нациях". Суть "национальности" определена им как "субстанция", вечный и неизменный аспект "национального духа", который остается нетронутым и универсальным, несмотря на все переписи непрерывно меняющейся истории.

57 Там же, т.5, с.91-152.

По Белинскому, национальному самосознанию каждой нации, в том числе и русской, свойственны следующие черты: высокий морально-правственный уровень, утопические идеалы и мессианизм (богоизбранность), которые проявляются в искусстве и литературе весьма причудливо и своеобразно, особенно, в народной поэзии, выражающей лирическую и возвышенную душу народа. О народной поэзии великий критик написал много статей. Некоторые из его главных мыслей ярко отражены в статьях о Пушкине, который, по Белинскому, был первым истинно национальным поэтом России. Появление национальных поэтов России — Пушкина, Лермонтова и гения художественной прозы Гоголя — с "универсальной способностью" сочетать "национальный дух" с "духом европейских наций" было, по Белинскому, следствием все возрастающей роли России на международном арене как страны великой нации. "Неистовый Виссарион" всю свою жизнь верил в то, что прогресс человечества в конце-концов реализуется только в национальных достижениях, а не в космополитическом движении Европы.⁵⁸ Все это вполне понятно и оценивать глубину и верность мысли Белинского в наше время, когда идет борьба за национальную литературу и искусство. Разделить национальное и человеческое и противопоставить эти две "сущности" одну другой, как это делал В.Н.Мейков, неправильно, тем как это крайность и абстракция, "самый книжный вид дуализма".⁵⁹ Критикуя В.Н.Мейкова за "алитарность" и приверженность "космополитическому искусству", великий критик утверждает, что "национальное, честное и индивидуальное, является конкретным проявлением универсального, всеобщего".

⁵⁸ Американский литературовед имеет здесь в виду спор Белинского с В.Н.Мейковым 1846—1847 гг. См. напр. "Очерки русской литературы 1846 г." (Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 25 — 32).

⁵⁹ Там же, с. 26.

"Космополитическое, — уверяет Белликовский, — едва ли может быть ассимилировано и трансформировано хотя бы в часе национальностей".⁶⁰ "Так, — заявляет В. Террас, — гердертовский национализм одерживает Триумф в русской литературе в связи долгим развитием над всеми космополитическими идеями, включая даже марксизм". Американский исследователь находит у Белликовского 1840-х годов зарождение той эстетической концепции, которая называется "передностью" в литературе и которая "обращается к той отстраненной мистической общности, которую он (т.е. Белликовский — М.Б.) никогда уже более не покидал"; из Белликовского, творческой индивидуальности не отнесения к ряду — пример, но и мерой не отнесения к творчеству индивидуума это также признание: одно зависит от другого; люди — почва, которая сохраняет жизненные соки всего человеческого развития, в то время, как индивидуальность — цветок и плод этой почвы: прогресс в культуре — удача гениев, которые создают и воспитывают ряд.⁶¹ Американский литературовед видит во всем этом "мистическом учении" семя будущего "почвенничества", "славянофильства" и "передничества утилитаризма", и он, вероятно, прав.

Пятая и шестая главы книги В. Терраса посвящены анализу теоретических взглядов Белликовского на произведение искусства и на писателя. Эти главы написаны в том же творческом ключе. Их отличает высокий уровень теоретизирования и верность источникам. Богатое содержание пятой главы "Произведение искусства" видно хотя бы из подзаголовков разделов: "Идея в искусстве", "Форма в искусстве", "Полнотные формулировки идеи и формы", "Произведение искусства как органическое целое", "Поэзия и не-поэзия", "Создание утилитаризма", "Специальность поэзии".

⁶⁰ Там же, с. 9.

⁶¹ Там же, с. 368.

Шестая глава - "Художник" - написана тщательно и разнообразно. Об этом говорят ^{даже} ~~одна~~ перечисление разделов этой главы: "Качества художника", "Гений и Талант", "Отзывчивые и эмоциональные художники", "Субъективные и объективные художники", "Классический, романтический и реалистический художники". Перед нами самое подробное и добротное изучение всей философско-эстетической системы Белинского - критика в зарубежном литературоведении.

- "Наследие Белинского" -

Завершает книгу седьмая глава, чье содержание видно из названий следующих разделов: "Наследие эстетической философии", "Правое Белинского", "Эстетика", "Довы последователи Белинского", "Русские марксисты", "Путь эстетической традиции Белинского в 1920-е годы". Как видим, эта глава посвящена исследованию восприятия философско-эстетического и литературно-критического наследия Белинского в XIX и XX веках, вплоть до советской литературы и критики. Американский исследователь не пропускает ни одного факта, ни одной мельчайшей детали, чтобы не показать живучесть наследия Белинского и его благотворное влияние на советскую литературу, и мы ему за это благодарны.

В самом конце книги, на страницах 237 - 205 помещены достаточно подробные указания, которые значительно облегчат прочтение этой книги.

Прочитав внимательно и разнообразную книгу американского исследователя Виктора Торреса о Белинском, мы говорим вславу за него: если хочешь познать истину -

Audiatur et altera pars!

Мы верим, что наш призыв, обращенный к любителям русской классической литературы во всем мире, будет услышан в добрый час!